Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 131–138.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 131–138.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-10
https://elibrary.ru/owjvla

Типология «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг.

Екатерина Олеговна Яцкив
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
katya.yatskiv@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-4871-5529

Аннотация. Работа посвящена типологии «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. Автор статьи выделяет три типа «дачного топоса»: загородная дача, внутригородская дача, курортная (приморская) дача. Отмечая наличие общих констант (связь с темами памяти, ностальгии, взаимоотношений поколений), автор определяет индивидуальные особенности каждого типа. Для загородной дачи, в советское время взявшей на себя многие функции дореволюционной усадьбы, характерны такие черты, как семейственность, объединяющая судьбы нескольких поколений, доступная транспортная связь с городом, специфические формы досуга и возможность реализации творческого потенциала человека. Внутригородская дача поглощается цивилизацией, чем объясняются борьба за сохранение индивидуальности героев и мотив утраченного рая в произведениях. Приморская дача не является собственностью, а лишь арендуется, следствием чего становится отсутствие ощущения защищенности, обособленности, а описание быта и бытия обитателей курортной дачи приобретает сниженные коннотации.

Ключевые слова: «дачный топос», типология, загородная дача, внутригородская дача, курортная (приморская) дача

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Яцкив Е. О. Типология «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 131–138. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-10; EDN: OWJVLA

© Яцкив Е. О., 2026

Typology of the “dacha topos” in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s

Ekaterina O. Yatskiv
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
katya.yatskiv@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-4871-5529

Abstract. The article explores typology of the “dacha topos” in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s. The author of the article identifies three types of the “dacha topos”: the country cottage, the inner-city cottage and the resort (seaside) dacha. Each type includes common features (connection with themes of memory, nostalgia, and intergenerational relationships) and individual features. The country cottage, which in Soviet times performed many functions of a pre-revolutionary estate, has such features as a sense of family uniting the destinies of several generations, accessible transport links to the city, specific forms of leisure and the possibility of achieving person’s creative potential. The inner-city cottage is absorbed by civilization, and this explains the struggle to preserve the individuality of the characters and the motif of the lost paradise. The seaside dacha is not property, but only rented, resulting in a lack of a sense of security, isolation; thus the description of the inhabitants’ life of the seaside dacha acquires derogatory connotations.
Keywords: “dacha topos”, typology, country cottage, inner-city cottage, resort (seaside) dacha
Acknowledgments. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/
Для цитирования: Yatskiv E. O. Typology of the “dacha topos” in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 131–138. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-10; EDN: OWJVLA

Введение

Творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. отличается повышенным интересом к темам города и дачи. Зачастую писатель, противопоставляя городской топос дачному, представленному несколькими типами, характеризует город как место физической и духовной тесноты, несвободы, а дачу – как место обретения гармонии с окружающим миром и с самим собой.

Изображая быт и нравы людей, автор осмысляет и духовную сторону их жизни, особое внимание уделяя психологии интеллигенции, выходя через бытовое в бытийное. Повседневность становится «центральной художественной и нравственно-философской категорией его творчества, синтезирующей бытовое и бытийное содержание жизни»[1].

В «Московских повестях» город подавляет волю человека, удушает его, лишает возможности чувствовать себя свободно. Многие герои Ю. В. Трифонова ощущают тесноту физически. Так, в одной комнате, разделенной на две части ширмой, живут герои повести «Обмен» (1969) – Дмитриевы и их дочь Наташка; со свекровью, мате-

[1] Селеменева М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю. В. Трифонова. *Известия Уральского государственного университета,* 2008, № 59, с. 195. EDN: KIZTXT

рью покойного мужа, делит кров Ольга Васильевна – героиня повести «Другая жизнь» (1973). Теснота физическая порождает тесноту духовную, и человек перестает чувствовать себя свободно в собственном доме рядом с самыми близкими людьми.

Маленьким, давящим на сознание героев комнатам или более просторным, но все же порожденным городской культурой квартирам противопоставлена *дача* как особое пространство, позволяющее стать ближе к природе, снова почувствовать себя свободным и живым.

В монографическом исследовании О. А. Богдановой «Герменевтика литературной усадьбы» дача анализируется как феномен, определяющий специфику русской культуры и ментальности в XX в. По мнению исследователя, в связи с исчезновением владельческой усадьбы в советское время ряд ее функций («единство природы и культуры, хранение семейно-родовой памяти и проч.»[1]) перешли именно к даче, в результате чего с 1920-х гг. формируется *поэтосфера дачи*, а в 1960–70-е гг., когда дачная застройка становится явлением массовым, *дачная культура* наделяется новыми смыслами, приобретая особый флер «романтики индивидуальной предприимчивости»[2]. Дача оказывается местом самовыражения, проявления индивидуальности, пусть и в относительно несвободных условиях (застройка массовая, дача – часть поселка, дачного товарищества, площадь участка небольшая по сравнению с дореволюционной усадьбой). Именно в этот период литература окончательно перестает наделять *дачный топос* негативными коннотациями, что было свойственно, например, Серебряному веку, но определяет его, подобно прежней усадьбе, как «рай на земле». «Раем на земле» дача становится и для многих героев Ю. В. Трифонова, детство которого прошло в Серебряном Бору, в дачном поселке, расположившемся на левом берегу Москвы-реки. Известно, что писатель любил те места, ассоциируя их с самыми счастливыми и беззаботными днями своей жизни.

Основная часть

Дачный топос, как и городской, особенно важен для прозы Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. При этом можно выделить несколько типов дач в произведениях указанного периода: загородная дача, внутригородская дача, курортная (приморская) дача.

Загородная дача – это дом с участком земли, находящийся на территории поселка или дачного кооператива. Такой тип дачи представлен в повестях «Обмен» (1969) и «Другая жизнь» (1973), а также в романе «Старик» (1978). Дача данного типа – настоящее семейное гнездо, родовое владение, объединяющее судьбы нескольких поколений. Так, например, дача в Павлинове («Обмен») была построена руками отца Виктора Дмитриева, главного героя повести. Причем по соседству были расположе-

[1] Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 106. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

[2] Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 106. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

ны домики его братьев, предложившие родственнику построиться в поселке Красных партизан, считавшемся еще в дореволюционное время дачным местом, добраться до которого прежде можно было конкой от заставы. Сейчас же до Павлинова можно доехать на автобусе, в духоте. Будучи ребенком, Виктор, добиравшийся до Павлинова, с трепетом ждал, когда городские пейзажи сменятся сельскими – с полями, церковью, огородами, запрудами, усеянными фигурами рыбаков. Даже повзрослев, герой с любовью продолжает осматривать изменившиеся с тех давних пор места.

Тяготы транспортного сообщения между городом и дачей отмечены и в повести «Другая жизнь»: «Приезжать на дачу в будни было тяжело…»[1]. Однако Ольга Васильевна, главная героиня произведения, выйдя из электрички и оказавшись в Васильков, каждый раз с наслаждением ощущала, как медленно проходит усталость, какой покой дарует ей окружающий пейзаж. Троллейбусы и электрички помогают и героям романа «Старик» из мира города перемещаться в особый дачный мир. Таким образом, *собственно дача* не оказывается оторванной от городской цивилизации, но становится ее продолжением. Например, Лукьяновы («Обмен») занимаются «модернизацией» дачного домика и усовершенствуют его коммунальные удобства, упрощая жизнь своей родне. Однако в то же время *собственно дача* в творчестве Ю. В. Трифонова не подобна городу, она тесно связана с природным миром. В Павлинове пышным цветом манила сирень, радовали глаз шиповник, бузина, сосны. В сосновом бору стоит домик старика Павла Евграфовича Летунова («Старик»). При этом город все-таки стремится поглотить мир, в котором каждый может приблизиться к естественному ощущению себя и окружающей природы. Виктор Дмитриев замечает, что там, где раньше были луга, теперь – оборудованный пляж с неубранными шезлонгами. Территории дачного поселка в романе «Старик» будут отведены под строительство санатория городского типа.

Дачный топос данной разновидности определяет и специфический досуг героев: рыбалка, купание, прогулки в лесу, собирание грибов. Горожанину все это кажется особенным, экзотическим, возможным только в контексте дачной культуры. В повести «Другая жизнь» герои трапезничают под раскидистыми ветвями садовых деревьев. Виктор («Обмен») вспоминает китайскую игру в маджонг, привезенную дядей, а также совместное прослушивание патефонной музыки всей семьей.

Дача оказывается и местом уединения, дающим возможность реализовать свой творческий потенциал, что вполне соответствует реалиям советского времени. Переделкино и творческая элита, проживавшая в нем, Дунино, Болшево, Комарово – все эти места оказались вдохновляющими для Б. Пастернака, М. Пришвина, М. Цветаевой, А. Ахматовой: «жизнь в дачном доме в Комарово, общение с писателями и поэтами, литературное “наставничество” также стало своеобразным продолжением усадебной традиции»[2].

[1] Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 280.

[2] Михаленко Н. В. Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А. А. Ахматовой. *Mundo Eslavo*, 2023, № 22, с. 116. https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992; EDN: DIGLUT

Сергей Троицкий («Другая жизнь»), испытывающий особый интерес к теме царской охранки в процессе работы над диссертацией, совершает «внутреннее бегство» – уезжает на дачу в надежде на то, что именно там он сможет реализовать свою главную идею и объяснить в научной работе хитросплетения исторических событий и человеческих судеб. Восстановлением исторической справедливости – созданием записок, посвященных жизни Сергея Кирилловича Мигулина, казачьего командира, красного военачальника времен Гражданской войны, несправедливо признанного изменником, – занимается Летунов («Старик»). Местом творческой встречи становится дачный дом в повести «Долгое прощание» (1971). Московская труппа во время гастролей в Саратове гостит в загородном доме провинциального драматурга Николая Демьяновича Смолянова. Однако творчески созидательное начало здесь нивелировано. Хозяин, принимающий гостей, – драматург второразрядный; актеры, оказавшиеся в доме Смолянова, прекрасно это осознают и даже позволяют себе подтрунивать над ним. Интересно и другое: спустя некоторое время, оказавшись в городе, Смолянов добивается успеха и даже становится популярным автором пьес. Дачное пространство, располагающее к искренности и естественности, обнажающее в человеке интуитивное, не дает посредственности скрыться за маской ложной талантливости, что позволяет сделать город.

Попытки героев осмыслить историческое прошлое напрямую связаны с желанием понять специфику взаимоотношений поколений, а также проанализировать, каким именно способом поколенческая связь может быть сохранена. И Троицкий, и Летунов осознают, что история целого народа крепкими узелками сплетается с историей отдельного человека, а канвой, сохраняющей узор времени, становится память. Возможно, этим и обусловливается стремление героев сохранить знания или воспоминания на бумаге.

В уже упомянутой повести «Долгое прощание» находим второй тип дачного топоса в творчестве Ю. В. Трифонова – внутригородскую дачу или поглощенный разросшимся городом бывший загородный дачный участок. Петр Телепнев, отец главной героини произведения – Ляли, – вместе с семьей поселился в домике, который до революции, вероятнее всего, принадлежал фабричному служащему или чиновнику, не занимавшему особо важного поста. Лексемы «домик», «дачка», использованные Ю. В. Трифоновым для описания дореволюционного этапа в жизни дома, характеризуются пренебрежительной коннотацией. Вероятно, это связано с отношением к дачной культуре в дореволюционную эпоху, когда дача оценивалась как опошленный вариант усадьбы.

В то время, когда Телепневы заняли дом, участок находился за чертой города. Однако сейчас он уже принадлежит Москве, все больше и больше поглощающей естественную, природную среду. Отец семейства, «по профессии мастер-котельщик, по призванию садовод», бережно хранит свой сад, главной ценностью которого оказываются прекрасные георгины: «Особенно богаты были георгины. Ими славился Телепнев по всей Москве. Среди цветоводов так и говорилось – “телепневские геор-

гины", иногда даже просто "телепневские", потому что каждый понимал, о каких цветах речь»[1].

К великому сожалению Петра Телепнева, его детище – чудесный сад, ботаническую ценность, выпестованную за тридцать лет, – грозятся уничтожить вместе с домом, а семью переселить в новое жилье. Борьба за сад, уподобленная войне, становится смыслом жизни Телепнева; из сада, как из «рая на земле», город с его техническим прогрессом и умалением отдельной судьбы, личности старательно выдавливает человека. Как бы уничтоженным садом оказывается и прежняя жизнь Реброва, зятя Телепнева, не сумевшего выстроить собственную карьеру, проявить силу духа, удержать возлюбленную: «Он еще не знал, что и его сад – когда-то тоже вся жизнь – может быть отринут навсегда»[2]. В конце концов город побеждает – сад уничтожают, и на освободившемся месте строят многоэтажку с магазином «Мясо» на первом этаже: «А Москва катит все дальше, через линию окружной, через овраги, поля, громоздит башни за башнями, каменные горы в миллионы горящих окон, вскрывает древние глины, вбивает туда исполинские цементные трубы, засыпает котлованы, сносит, возносит, заливает асфальтом, уничтожает без следа, и по утрам на перронах метро и на остановках автобусов народу гибель, с каждым годом все гуще»[3]. Ребров расстается с Лялей, наконец-то добивается профессионального успеха, но навсегда лишается возможности быть по-настоящему счастливым. Сад души, как и сад с георгинами, вырублен. Быт уничтожил бытие.

Курортная (приморская) дача имеет принципиальное отличие от первых двух типов: она не является собственностью, а лишь арендуется человеком. Следовательно, ощущения домашнего, собственного, родного она лишена. Такой тип дачи представлен в повести Ю. В. Трифонова «Долгое прощание». Четверо молодых людей приезжают в Гагры, где снимают комнату и бунгало, лишенное всяких удобств. Кроме того, «хибарка», как называет ее автор, стоит в саду «особнячка», хозяева которого – богатые люди, собирающие гостей, – с удовольствием угощают молодежь деликатесами. Мир райского блаженства и юношеской бедности (но и счастливой беззаботности) разделены садом, в котором постоянно гуляют хозяйские гости, норовящие приударить за Ольгой – главной героиней произведения, от чьего лица ведется мемуарный нарратив. Если загородная и внутригородская дачи создают ощущение защищенности, уединенности, то бунгало – это практически открытое, незащищенное пространство, не позволяющее его обитателям чувствовать себя как дома.

Ольга остро ощущает невозможность освободиться от назойливого внимания поклонников-южан, особенно пылко проявляющих свои чувства. Атмосфера дома, южный колорит, абхазские пейзажи – все это приобретает привкус пошлости. Жизнь гостей Порфирия Михайловича, арендодателя, представляется утомительной, гул-

[1] Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 162.
[2] Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 209.
[3] Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 216.

кой, лишенной покоя, тишины, гармонии – они пьют, громко поют песни, танцуют и много едят. Их регулярные посиделки уподобляются вакхическим пирам и пляскам.

Досуг проживающих на приморской даче лишен интеллектуального или творческого начала. Даже попытки Ольги научиться играть в шахматы, которыми увлекался ее возлюбленный, ставший впоследствии мужем, превратились в безуспешные ухаживания со стороны преподавателя, у которого девушка решила взять несколько уроков.

Приморская дача становится и местом зарождения любви главных героев, проявления страсти. Любовному чаду аккомпанирует «одуряющая духота», «пылающее лето». Зародившаяся на морском берегу влюбленность перерождается в серьезное, глубокое чувство уже в Москве.

Выводы

Анализ типологии «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. показывает, что при наличии определенных констант (связь с темами памяти, ностальгии, взаимоотношений поколений) каждый из выделенных типов (загородная дача, внутригородская дача и курортная (приморская) дача) отличается от других по ряду критериев. Если первые два типа во многом принимают на себя характеристики упраздненной в советское время дореволюционной владельческой усадьбы (в миниатюре), то третий с очевидностью соответствует дореволюционной даче как топосу одуряющей праздности, скуки, бесцельного времяпрепровождения, пошлых разговоров и т. п. Не случайно при этом, что первые два типа дачи – владельческие, являющиеся собственностью своих хозяев, а третий – съемное, временное жилье. Представленная типология имеет базовый характер и содержит высокий потенциал для дальнейшего изучения «дачного топоса» в творчестве Ю. В. Трифонова.

Список литературы / References

Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 560 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, History, Modernity*. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 560 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Михаленко Н. В. Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А. А. Ахматовой. *Mundo Eslavo*, 2023, № 22, с. 111–120. https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992; EDN: DIGLUT

Mikhalenko N. V. Estate and dacha topos: Tsarskoe Selo and Komarovo in the life and work of A. A. Akhmatova. *Mundo Eslavo*, 2023, no. 22, pp. 111–120. (In Russ.) https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992; EDN: DIGLUT

Селеменева М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю. В. Трифонова. *Известия Уральского государственного университета,* 2008, № 59, с. 195–208. EDN: KIZTXT

Selemeneva M. V. The poetics of everyday life in Yuri Trifonov's urban prose. *Proceedings of Ural State University*, 2008, no. 59, pp. 195–208. (In Russ.) EDN: KIZTXT

Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 131–219.

Trifonov Iu. V. The long farewell. *Trifonov Iu. V. The Collected Works*: In 4 vol., vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986, pp. 131–219. (In Russ.)

Трифонов Ю. В. Другая жизнь. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 219–363.

Trifonov Iu. V. Another life. *Trifonov Iu. V. The Collected Works*: In 4 vol., vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986, pp. 219–363. (In Russ.)

Сведения об авторе

Екатерина Олеговна Яцкив – младший научный сотрудник, https://orcid.org/0009-0001-4871-5529, katya.yatskiv@mail.ru, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); Центр русского языка и культуры имени А. Ф. Лосева Института филологии Московского педагогического государственного университета (д. 64, ул. Усачева, 119048 Москва, Россия); **Ekaterina O. Yatskiv** –Junior Researcher, Master of Philology, https://orcid.org/0009-0001-4871-5529, katya.yatskiv@mail.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia); Losev Center for Russian Language and Culture, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University (64, ul. Usacheva, 119048 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.